

24–26 июня 2026 г.

‘Both Face, and Clothing, and Soul, and Thoughts’: The Prosody of Nominal Coordination in Spoken Russian Corpora

Podlesskaya, Vera
Institute of Linguistics, RAS, Moscow
podlesskaya@iling-ran.ru

Abstract

The study investigates prosodic shaping of coordinated noun phrases. The material analyzed comes from the Russian National Corpus (RNC), specifically the Multimedia subcorpus and the Multipark subcorpus, as well as from the pilot version of the corpus of spontaneous personal narratives “What I Saw.” Two principal prosodic strategies of nominal coordination have been identified: the adaptive and the parallel strategies. Under the adaptive strategy, the group is prosodically integrated: the last conjunct serves as the prosodic representative of the entire group and receives prosodic shaping determined by external factors – namely, the group’s position within the overall communicative-prosodic structure. The preceding conjuncts are prosodically dependent on the final one – either unaccented, or their tonal movement is constrained, in particular, its direction being mirror-opposite to that of the final conjunct. The adaptive strategy may appear in the flat version, where there is a single prosodic center in the chain, or in a branching version, in which subgroups with more closely interrelated members may be embedded within the group. Under the parallel strategy, the conjuncts are prosodically autonomous: each bears an accent, their tonal movements are aligned and unidirectional, and each receives prosodic realization determined by external conditions – that is, by the group’s position within the overall communicative-prosodic structure. It is shown that the mechanism of prosodic adaptation functions as one of the means of maintaining discourse coherence, alongside syntactic and referential devices.

Keywords: prosody, nominal coordination, discourse coherence, spoken language, corpus

DOI: 10.29003/2075-7182-2026-24-499-515

«И лицо, и одежда, и душа, и мысли»: просодия именного сочинения по данным корпусов устной речи

Подлесская В. И.
Институт языкознания РАН, Москва
podlesskaya@iling-ran.ru

Аннотация

Предмет изучения – способы просодического оформления сочиненных групп. Материалом послужили данные НКРЯ – мультимедийного подкорпуса (МУРКО) и подкорпуса Мультипарк, а также пилотная версия корпуса устных личных рассказов «Что я видел». Выделены две основных просодических стратегии именного сочинения – адаптивная и параллельная. При адаптивной стратегии группа просодически интегрирована: просодическим представителем группы является последний конъюнкт, он получает то оформление, которое диктуется внешними условиями, местом группы в общей коммуникативно-просодической структуре. Остальные конъюнкты просодически зависимы от последнего – они либо лишены акцента, либо движение тона на них детерминировано, а именно, направление тона зеркально противоположно движению тона на последнем конъюнкте. Адаптивная стратегия может использоваться в плоской версии, при которой в цепочке есть единственный просодический центр, и в ветвящейся версии, при которой внутри группы могут быть вложены подгруппы с более тесно связанными между собой членами. При параллельной стратегии конъюнкты просодически автономны, каждый акцентирован, движение тона на них согласовано однонаправленное и каждый получает оформление, которое диктуется внешними условиями, местом группы в общей коммуникативно-просодической структуре. Показано, что механизм просодической адаптации является одним из средств поддержания дискурсивной связности, наряду с синтаксическими и референциальными средствами.

Ключевые слова: просодия, именное сочинение, дискурсивная связность, устная речь, корпус

1 Постановка задачи

Одно из самых выдающихся открытий современной интонологии состоит в обнаружении прямой связи между просодическим обликом структурной единицы и ее грамматическим статусом. Из работ Т.Е. Янко (Янко 2008, 2024, Yanko 2023) опирающихся, в свою очередь, на подходы, разработанные в трудах И.И. Ковтуновой (1976), С.В. Кодзасова (1996, 2001), Е.В. Падучевой (1989), Е.А. Брызгуновой (1982), мы знаем, что расположение главного фразового акцента – «акцентоносителя» (Янко 2008), или «интонационного центра» (Падучева 1989) – составляющей, а также направление движения тона в ее интонационном центре устанавливается по структурным правилам в соответствии с типом фразовой категории данной единицы и ее местом в структуре предложения, и шире – в структуре дискурса. Эти правила предсказывают, например, что в русском языке в паре «вспомогательный глагол плюс группа полнозначного глагола» главный акцент прототипически размещается на группе полнозначного глагола, в паре «глагол плюс прямое дополнение» – на дополнении, в паре «адъективное определение плюс определяемое» – на определяемом, в паре «несогласованное определение плюс определяемое» – на определении, ср. *буду СТИРАТЬ, стирать РУБАШКУ, белая РУБАШКА, рубашка из СИТЦА*. В общем случае, изменение порядка слов не влияет на место интонационного центра, см. следующие популярные примеры из работы (Кодзасов 1996: 183), где слово *белье* остается акцентоносителем не взирая на изменение порядка слов: *Буду БЕЛЬЕ грязное стирать; Буду стирать грязное БЕЛЬЕ; БЕЛЬЕ грязное стирать буду*.

Интонационные портреты отдельных синтаксических групп в русском и иных языках описаны в упоминавшейся выше литературе и целом ряде других сочинений (Лобанов, Окрут 2014, Degand, Simon 2009, Gordon 2024, Selting 2005, 2015, Silber-Varod 2011, inter alia) с различной степенью подробности. Сочиненные именные группы относятся к числу тех, которым до настоящего времени не было уделено достаточно внимания. В качестве редких исключений упомянем три недавние работы: (Huttenlauch et al. 2021), где исследована просодическая вариативность немецких трехкомпонентных сочиненных групп; (Wu 2022), посвященную корреляции синтаксиса и просодии в коррелятивных группах, типа *Max will eat either spinach or chard*, и противительных группах, типа *Max eats not spinach but chard* – в английском языке, а также в польском и бенгали; и (Duryagin 2021), в которой на русском материале устанавливается связь между способом интонационного оформления многокомпонентных сочиненных групп (списков) и темпа речи.

В рамках данной работы мы попытаемся частично восполнить существующий пробел. Наша задача – проверить и уточнить на корпусном материале предположение о двух стратегиях просодического оформления русских сочинительных конструкций, предварительно высказанное в нашей работе (Кибрик, Подлеская (ред.) 2009: 128–137). Эти две стратегии условно названы нами адаптивной и параллельной. При адаптивной стратегии носителем главного фразового акцента является последний конъюнкт, тогда как не последние либо произносятся атоначески, либо акцентируются таким образом, что движение тона на их ударном слоге обратно движению тона на ударном слоге последнего конъюнкта. Например, если на последнем конъюнкте наблюдается подъем тона, то на не последних (если они акцентированы) — падение, и наоборот. При параллельной стратегии акцентируются все конъюнкты, причем движение тона на всех конъюнктах одинаково направленное.

Мы будем использовать ярлыки «падение тона» и «подъем тона» как общие наименования, объединяющие группы тональных движений, связанных с реализацией просодической завершенности и просодической незавершенности соответственно. В терминах интонационных конструкций (далее ИК, см. Брызгунова 1982, Янко 2024, Yanko 2023) за просодическую завершенность отвечают, в частности, ИК1 (немаркированный нисходящий тон с вариантом ровного тона в низком регистре) и ИК2 (эмфатически или контрастно маркированный нисходящий тон; за просодическую незавершенность отвечают, в частности, ИК3 (немаркированный восходящий тон), ИК4 (нисходяще-восходящий тон, маркирующий продолжение «рассказа по порядку») и ИК6 (восходяще-ровный тон, маркирующий продолжение по типу открытого списка)

На материале НКРЯ – мультимедийного подкорпуса (МУРКО) и подкорпуса Мультипарк, а также пилотной версии просодически размеченного корпуса устных личных рассказов «Что я видел» (Коротаев и др. 2024) мы попытаемся (а) описать варианты просодических паттернов, которые наблюдаются при применении обеих стратегий в различных дискурсивных контекстах –

этому посвящен раздел 2; и (б) предложить функциональные обоснования для различения двух стратегий интонационного оформления сочиненных именных групп – этому посвящен раздел 3. В заключительном разделе 4 подводятся итоги.

2 Основные паттерны просодического оформления сочиненных именных групп

Иллюстративным примером адаптивной стратегии может служить минимальная пара (1) и (2). В (1) сочиненная группа *хозяин и работник* входит в тематическую составляющую, второй конъюнкт *работник* реализуется с восходящим тоном, маркирующим тематический статус и незавершенность, первый конъюнкт *хозяин* реализуется с зеркальным (адаптивным) падением, см. рис.1. В (2) та же самая группа входит в рематическую составляющую, второй конъюнкт *работник* реализуется с ровным тоном в низком регистре, маркирующим рематический статус и завершенность, а первый конъюнкт *хозяин* реализуется с зеркальным (адаптивным) подъемом, см. рис.2:

(1)¹

Рассказ Льва Николаевича Толстого "Хозяин и работник" читает народный артист эс-эс-эс-эр [СССР] Борис Андреич Бабочкин. Передача первая. [Л.Н. Толстой. Хозяин и работник (исп. Б.А. Бабочкин) (1895, 1960)]

Рассказ Льва Николаевича Толстого (0.18) \«Хозяин (0.05) и /работник», читает народный артист /эс-эс-эс-эр Борис Андреич Бабочкин.

(2)

Заключительная пятая передача по рассказу Льва Николаевича Толстого "Хозяин и работник" / читает народный артист эс-эс-эс-эр [СССР] Борис Бабочкин. [Л.Н. Толстой. Хозяин и работник (исп. Б.А. Бабочкин) (1895, 1960)]

/Заключительная —

\пятая,

— /передача (0.28) по рассказу Льва Николаевича Толстого "/Хозяин (0.05) и —работник".

/Читает народный артист /эс-эс-эс-эр Борис Бабочкин.

В обоих случаях главный фразовый акцент на слове *работник*, но в примере (1) резкий подъем тона на акцентированном слоге маркирует просодическую незавершенность, и, соответственно, на слове *хозяин* – падение, а в примере (2) акцент на нем (перцептивно – падение, на графике реализуется как ровный тон в очень низком регистре) маркирует просодическую завершенность, и, соответственно, на слове *хозяин* – подъем:

¹ Приводимые здесь и далее примеры, если не указано иное, взяты из НКРЯ. Примеры из корпуса «Что я видел» снабжены внутренним идентификатором текста в корпусе. Примеры приводятся в той графической форме, которая дана в НКРЯ. Для примеров из МУРКО и Мультипарка при необходимости приводится также просодическая транскрипция части примера с разметкой движения тонов и локализацией фразовых акцентов, а также осциллограмма и интонограмма в формате анализатора Praat (Boersma, Weenink 2021). Примеры из корпуса «Что я видел» приводятся в просодической транскрипции и также, при необходимости, снабжаются визуализацией в Praat. Каждая строка транскрипта — минимальный дискурсивный шаг (элементарная дискурсивная единица). Для указания на направление движения тона иконически используются знаки «/», «\» и «-». Длина пауз в секундах указывается в круглых скобках; пауза может быть абсолютной или вокализованной: ц, ?, э и др. Внутри фигурных скобок приводятся обозначения неречевых вокальных действий: gr — слатывание, hm — хмыканье, exr — откашливание и др. О других деталях используемой системы просодической транскрипции см. (Кибрик, Подлеская (ред.) 2009). В записи примера, которая дается по МУРКО и Мультипарку, знак «/» имеет другую интерпретацию — там он используется для членения речевого потока. В сегментное наполнение в просодической транскрипции вносятся при необходимости уточнения по сравнению с графическим вариантом НКРЯ.

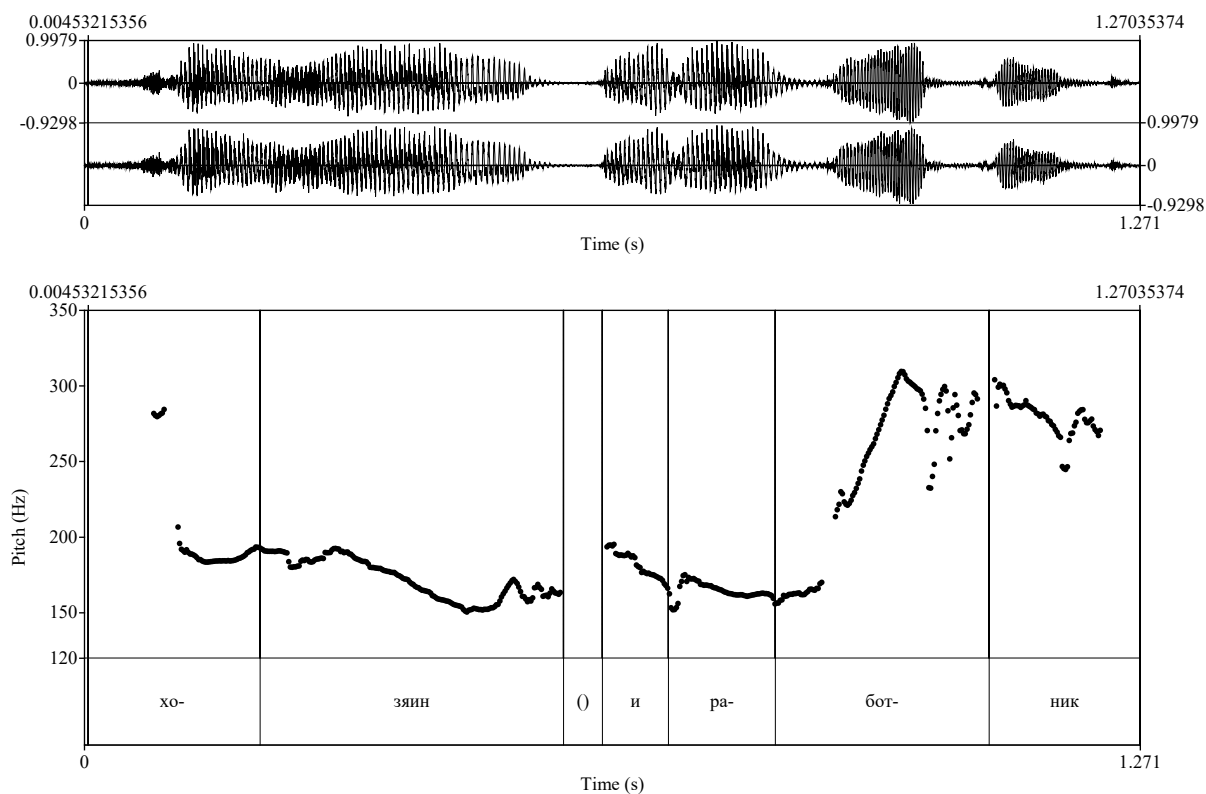

Рисунок 1: Интонограмма и осциллограмма группы *хозяин и работник* в примере (1)

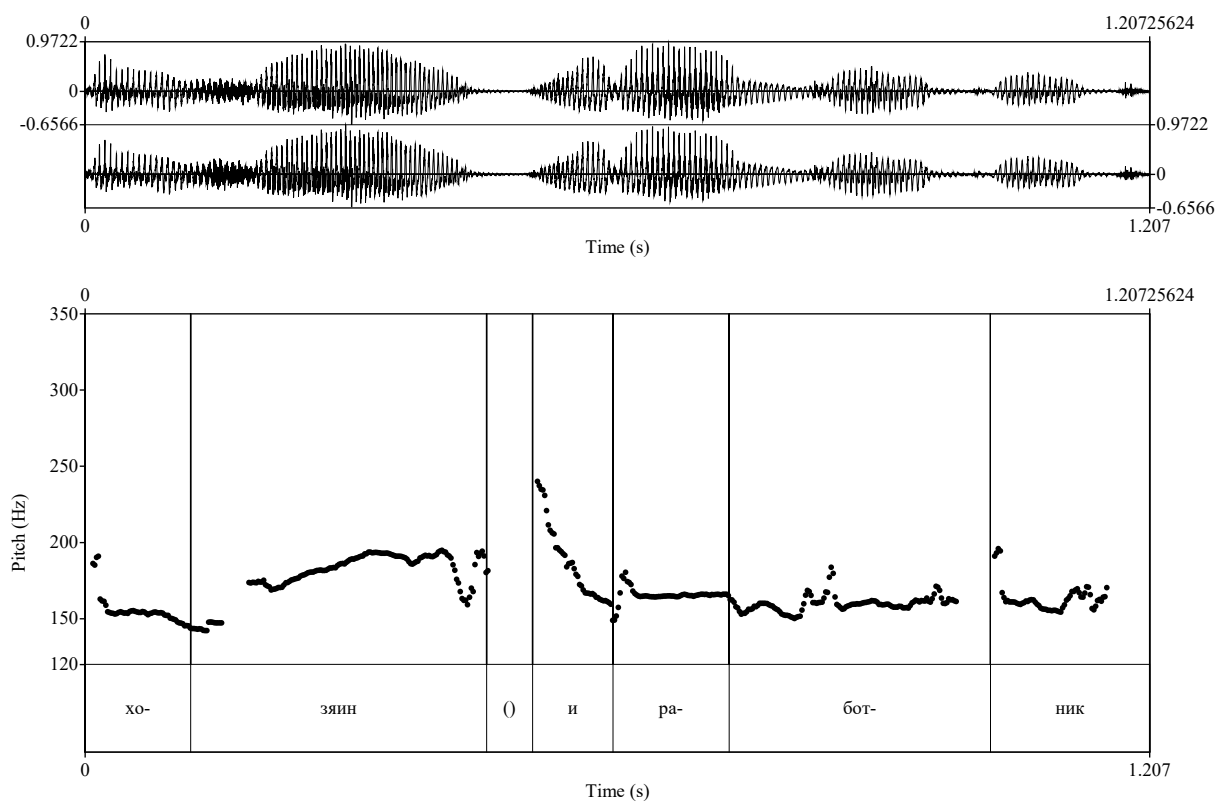

Рисунок 2: Интонограмма и осциллограмма группы *хозяин и работник* в примере (2)

Параллельная стратегия проиллюстрирована в (3), где в сочиненной группе *детям и жене* подъем тона, отвечающий на незавершенность главного предложения перед придаточным, реализуется на обоих конъюнктах:

(3)

И Питирим Сорокин/ он всегда говорил детям и жене/ что если бы было возможно/ если б можно было вернуться/ он ни за что бы не променял вот эти девственные леса на самый урбанистичный город. [Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2011)]

он (0.18) всегда говорил /д^тетям и /ж^тене,

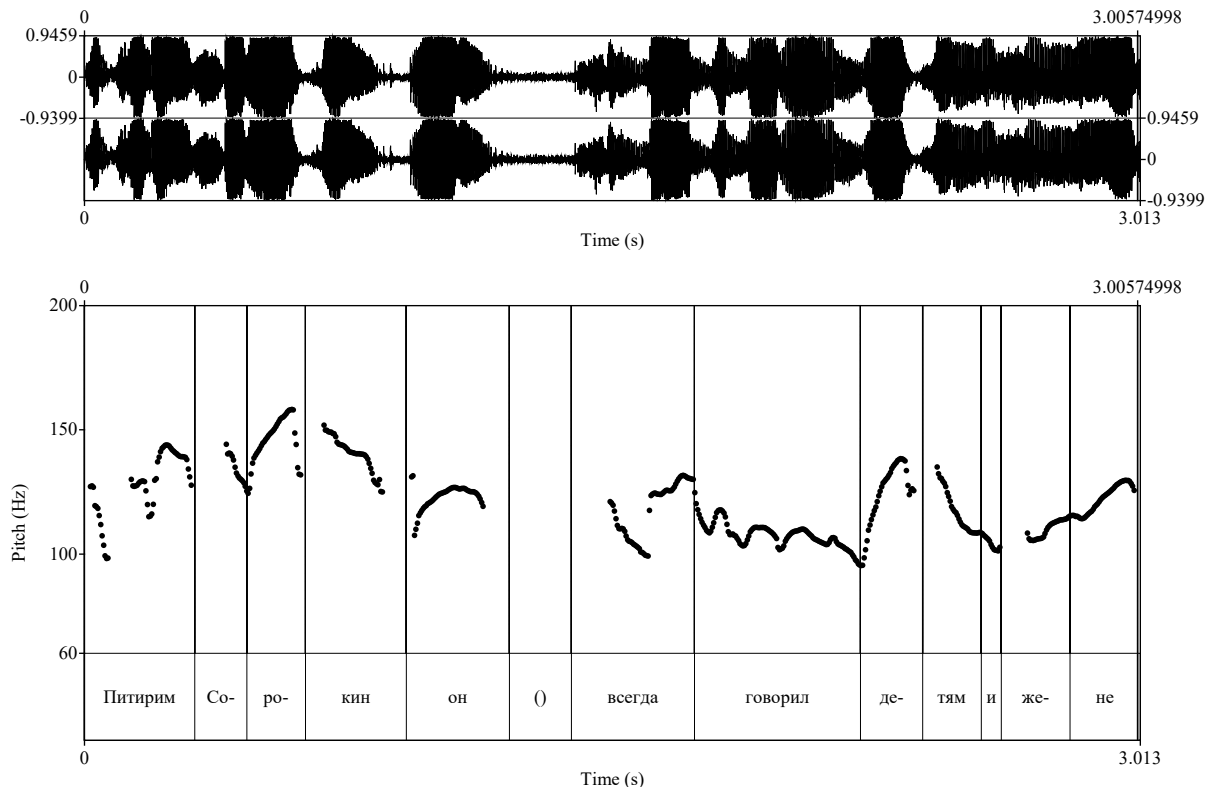

Рисунок 3: Интонограмма и осциллограмма фрагмента примера (3)

При параллельной стратегии движения тона в конъюнктах однонаправленные, т.е. оба маркируются либо как просодически завершенные, либо как просодически незавершенные, однако их конкретное просодическое оформление не обязательно идентично, возможны комбинации восходящего, нисходяще-восходящего или восходяще-ровного паттернов (или интонационных конструкций – ИК3, ИК4, ИК6 – в номенклатуре (Брызгунова 1982))

В частности, в (3) на первом конъюнкте восходящий тон по типу ИК3 – резкий подъем и столь же резкое заударное падение, а на втором конъюнкте – более пологий подъем, скорее по типу ИК6, но оба маркированы именно как просодически незавершенные.

Параллельная стратегия часто используется в сочиненных группах с повторяющимися союзами. Так, в примере (4) в группе *ни лица ни глаз* оба конъюнкта артикулируются с пологим подъемом в умеренно высокий уровень с растяжкой ударного слога – по типу ИК6 – с типичным для данного интонационного паттерна значением открытого списка («не было видно ни лица, ни глаз, ни чего-либо еще»):

(4)

DS c02 dream-sp

194.24	E077	но-о {cl 0.16} (ш 0.37) н-не было видно –ниче <u>г</u> о:
196.93	E078	ни /–лиц <u>а</u> -а,,,
197.71	E079	ни /–г <u>л</u> а-а <u>з</u> ...

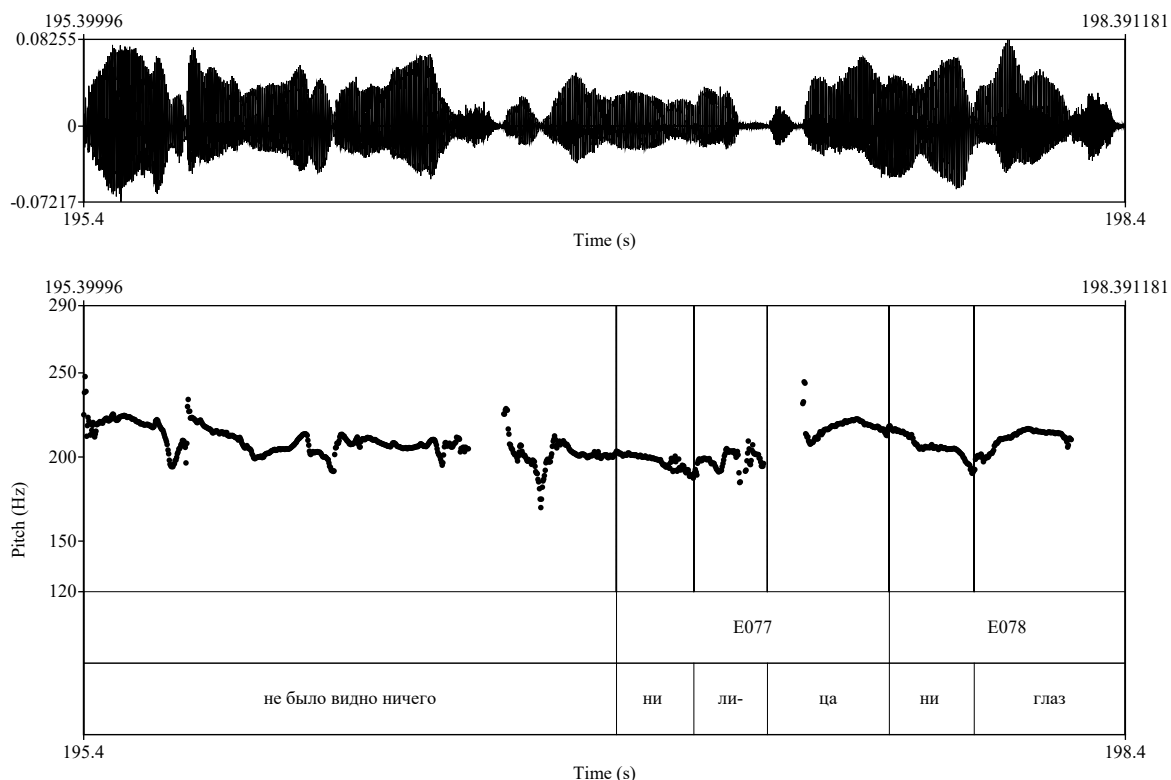

Рисунок 4: Интонограмма и осциллограмма фрагмента примера (4)

Параллельная стратегия часто используется в многокомпонентных сочиненных группах, особенно с повторяющимися союзами. Ниже в примере (5) с повторяющимся союзом *и* все четыре конъюнкта единообразно имеют восходящий тон по типу ИКЗ:

(5)

Все изменения подписывались лично императором. И Павел/ и Александр/ и Николай/ а потом брат Николая Константин – это превращалось в настоящую манию. [Ю.М. Лотман. Городская жизнь XVIII века. Лекция из цикла «Беседы о русской культуре» (1986)]

И /Павел (0.37) и /Александр (0.55) и /Николай (0.33) потом брат Николая /Константин

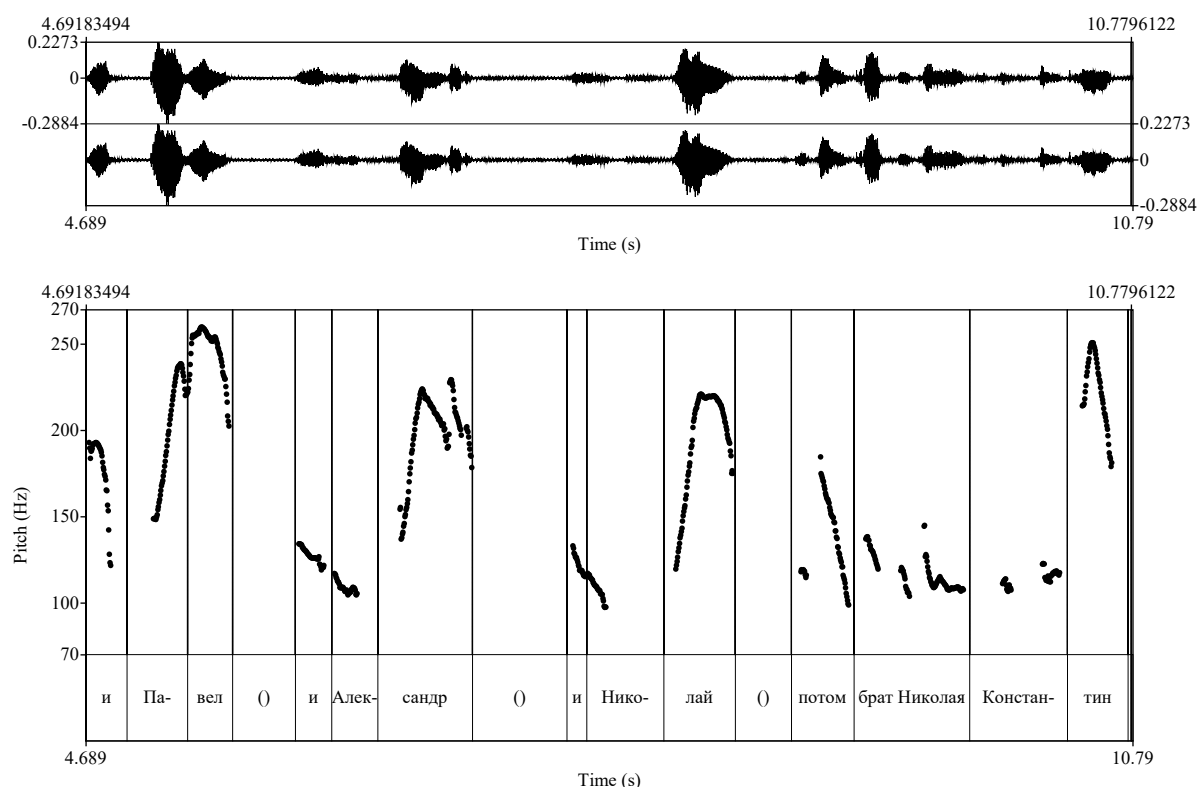

Рисунок 5: Интонограмма и осциллограмма фрагмента примера (5)

В конструкциях с повторяющимися союзами нередко наблюдается сдвиг акцента на союз – притом что в норме союзы произносятся атоначески. В данном случае сдвиг фразового ударения на союз является средством эмфатического подчеркивания семантической симметрии конъюнктов. Так, в примере ниже с повторяющимся союзом *и* реализуется параллельная стратегия, причем во всех четырех конъюнктах акцентированы союзы – все артикулируются с восходящим тоном по типу ИКЗ:

(6)

В каждом новом произведении и Толстого/ и Чехова/ и Тургенева/ и Пушкина есть новые задачи/ надо искать новые ключи к каждому из этих произведений. [Д. Н. Журавлев. Немного о мастерстве художественного слова (1978)]

В каждом новом произведении /и Толстого /и Чехова (0.41) /и Тургенева /и Пушкина (0.21) есть (0.30) новые задачи.

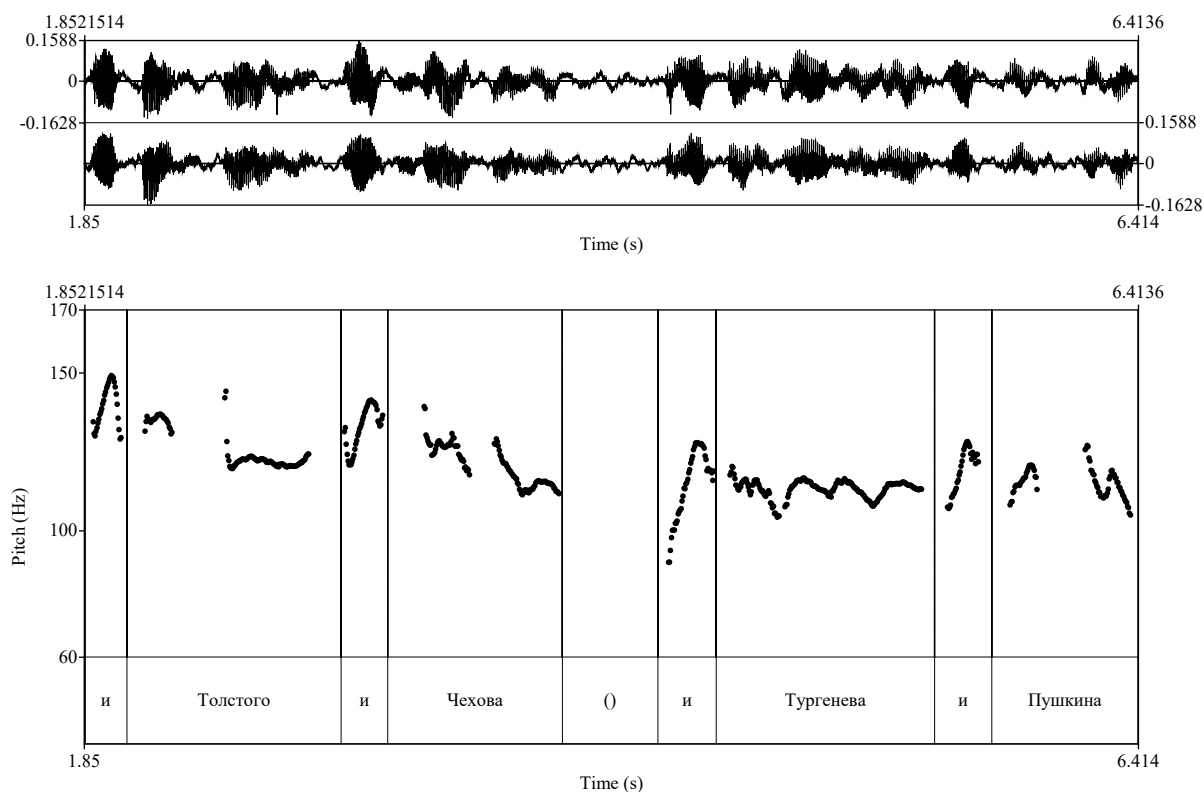

Рисунок 6: Интонограмма и осциллограмма фрагмента примера (6)

Корпусные данные неожиданно показывают, что популярна такая версия сдвига акцента на союз, при которой сдвиг осуществляется только внутри первого конъюнкта. Приведем пример параллельной стратегии со сдвигом акцента в первом конъюнкте – в (7) в первом конъюнкте акцент на союзе, он реализован с резким подъемом тона по типу ИКЗ²:

(7)

То есть они не психологи/они и социологи/и экономисты/и все вместе/ вот они работали на aa пересечении. [Александр Рикель. Парадоксы в современной психологии поколений (2016)]

они /и социологи и /экономисты,

² Один из рецензентов предположил, что однократный сдвиг акцента на союз в первом компоненте сочиненной группы возможен только в двухместных группах. Интроспекция автора согласуется с этим предположением, но оно, разумеется, нуждается в подтверждении корпусными или экспериментальными данными.

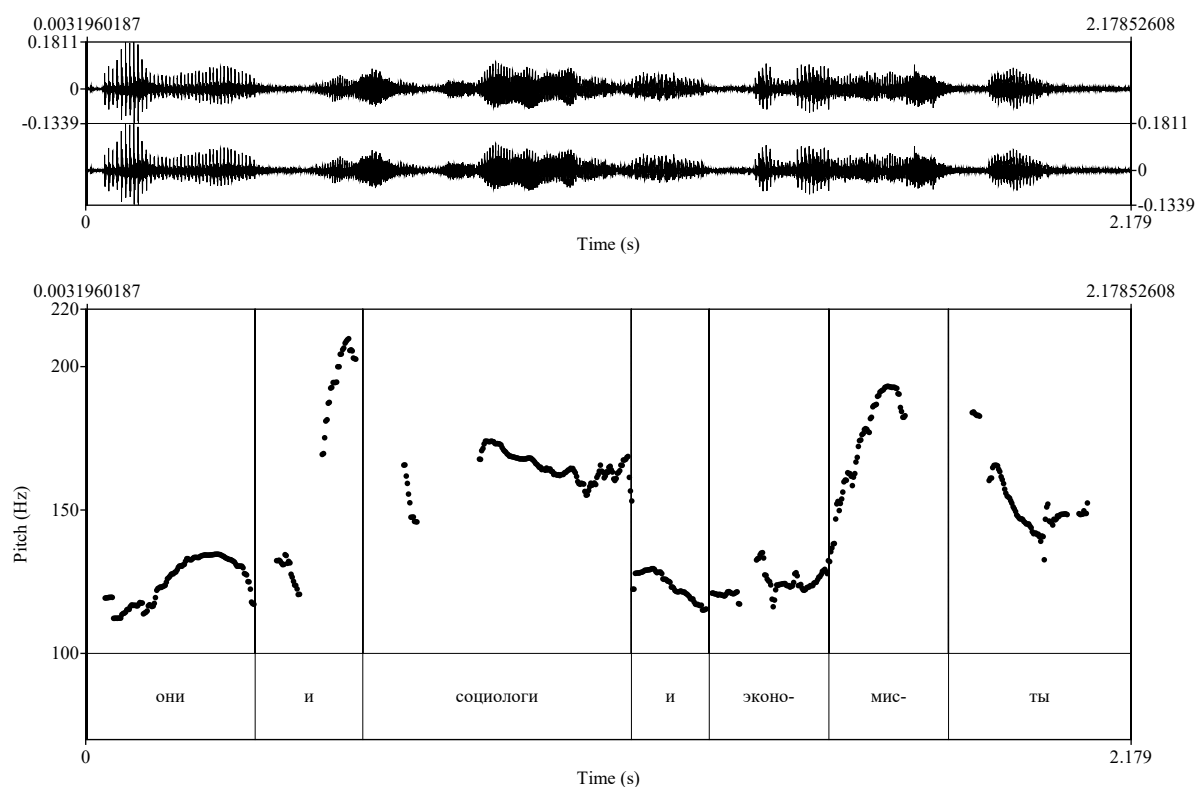

Рисунок 7:Интонограмма и осциллограмма фрагмента примера (7)

Существенно, однако, что конструкции с повторяющимися союзами могут следовать не только параллельной, но и адаптивной стратегии. Так, в (8) подъем на последнем конъюнкте (*работы*) маркирует тематический статус всей именной группы, к нему адаптируется падение на первом конъюнкте (*жизни*):

(8)
я думаю/ что/ может быть/ самый вообще тяжёлый период аа и жизни/ и работы — именно вот эти первые месяцы. [Сергей Кузнецов в передаче «Звезда на «Звезде» с Александром Стриженовым (2016)]

самый \вообще тяжёлый период (э 0.50) и \жизни и /работы,

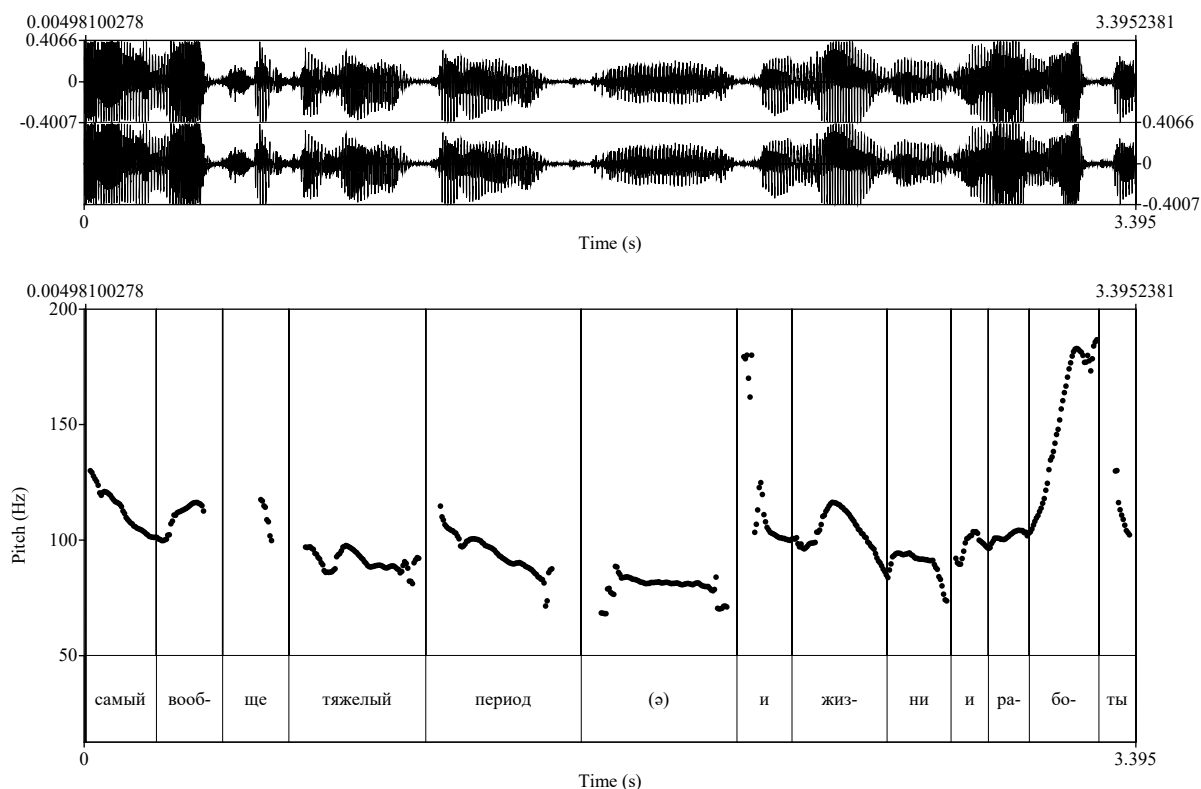

Рисунок 8: Интонограмма и осциллограмма фрагмента примера (8)

Таковы – в самых общих чертах – основные варианты реализации двух стратегий просодического оформления сочиненных групп. Попробуем теперь объяснить, на каком основании говорящий выбирает одну или другую стратегию.

3 В чем функциональное различие между адаптивной и параллельной стратегиями?

При адаптивной стратегии у сочиненной группы единый просодический центр, она ведет себя как интегрированная единица, правый конъюнкт является ее представителем во внешней коммуникативно-просодической структуре, остальные конъюнкты являются просодически зависимыми, они лишены во внешней структуре «права голоса»: они либо произносятся атонически, либо движение тона на них лицензируется движением тона на правом конъюнкте. Фактически, правый конъюнкт ведет себя так, как если бы прочих конъюнктов вовсе не было, ср. (1') и (2') – два вымышленных примера, где оригинальное название рассказа «Хозяин и работник» заменено на вымышленное «Работник»:

(1')

Рассказ Льва Николаевича Толстого "Работник" [/работник] читает народный артист СССР Борис Андреич Бабочкин. Передача первая.

(2')

Заключительная пятая передача по рассказу Льва Николаевича Толстого "Работник" [работник]. Читает народный артист СССР Борис Бабочкин.

В (1') на слове *работник* реконструируется подъем тона как на акцентоносителе тематической группы, а в (2') на слове *работник* реконструируется падение тона как на акцентоносителе рематической группы – так, как мы это наблюдали на последнем конъюнкте в (1) и (2), соответственно.

При параллельной стратегии каждый конъюнкт просодически автономен. Каждый конъюнкт ведет себя так, как если бы он был единственным, каждый конъюнкт является полноправным представителем группы во внешней коммуникативно-просодической структуре. Так, если в оригинальном примере (3) ...он всегда говорил детям и жене, что... вместо сочиненной группы использовать одиночную, получим вымышленные (3') и (3''):

(3') он всегда говорил детям [/детям], что...

(3'') он всегда говорил жене [/жене], что...

где на словах *детям* и *жене* реконструируется подъем тона как на акцентоносители препозитивной главной клаузы, за которой следует сентенциальный актанта – так, как мы это наблюдали на обоих конъюнктах в (3). Иными словами, при параллельной стратегии механизм адаптации тона не включается.

Механизм адаптации тона – его можно назвать механизмом просодической зависимости – оказывается системным, он работает в разных зонах коммуникативно-просодической структуры. Из работ С.В. Кодзасова (1996, 2001 и др.) хорошо известны примеры просодической зависимости темы от ремы и известного вопроса от неизвестного вопроса. Так, в (9) в первой клаузе рема *танцуют* произносится с подъемом тона, что маркирует незаключительный статус этой клаузы в предложении. Соответственно, движение тона на теме *девочки* обратное – нисходящее; во второй клаузе рема *поют* произносится с падением, потому что эта клауза – заключительная. Соответственно, тема *мальчики* произносится с восходящим тоном:

(9)

\Девочки /танцуют, а /мальчики \поют.

Аналогичным образом, в паре (10) в первом предложении мы имеем сообщение, где рема *поют* произносится с нисходящим тоном, а просодически зависимая тема *мальчики* – с восходящим, а во втором предложении, наоборот – неизвестное вопроса *поют* (аналог ремы в вопросительном предложении) произносится с восходящим тоном, известное вопроса *мальчики* (аналог темы в вопросительном предложении) – с нисходящим:

(10)

/Мальчики \поют. \Мальчики /поют?

Встает главный вопрос: с какой целью говорящий принимает решение подключить механизм просодической зависимости? Мы предполагаем, что этот механизм используется как дополнительное средство обеспечения дискурсивной связности. Рассмотрим пример (11). Строки E001, E002, E003– это три темы к единственной реме – в строке E004. Рема реализуется с падением тона, а все три темы – с подъемом, который адаптирован к нисходящему тону на E004, или, другими словами, просодически зависит от нисходящего тона на E004:

(11) DS_p07_story-sp

0.56	E001	(в 0.22) Когда я училась в /шко <u>ле</u> ,
1.96	E002	я с ^о с ^о со своим молодым /челове <u>ком</u> ,
3.93	p002	(0.14)
4.07	E003	на \день святого /Валенти <u>на</u> ,
5.41	N001	(ч 0.45)
5.87	E004	/собрались пойти-и в \аква <u>парк</u> .

Мы имеем интегрированную «плоскую» коммуникативно-просодическую структуру, которую схематически можно изобразить так:

[/E001 /E002 /E003 \E004] .

Однако почти тот же самый сегментный материал (опустим подлежащее в E002 и добавим в E004) мог бы быть реализован иначе, если бы нашей задачей было более тесно семантически связать строку E001 со строкой E002, а не со строкой E004. Тогда тон на акцентоносителе *в школе* реализовывался бы не как восходящий, а как нисходящий, т.е. он адаптировался бы не к падению в E004, а к подъему в E002:

(11')

E001 *Когда я училась в школе* [\школе]
 E002 *со своим молодым человеком* [/человеком],
 E003 *на день святого Валентина*[/Валентина],
 E004 *мы собрались пойти в аквапарк* [\аквапарк].

В таком исполнении мы имеем уже не плоскую, а ветвящуюся просодическую структуру:

[[\E001 /E002] [/E003 \E004]],

внутри которой имеется вложенная подгруппа – строка E001 просодически зависит от строки E002, а от строки E004 (с нисходящим тоном в реме) просодически зависят две темы – сложная (E001-E002) и простая (E003). Обе темы адаптивно реализуются с подъемом на просодическом центре: в E003 центр локализуется на слове *Валентина*, а в E001-E002 единый центр – на слове *человеком*.

Поразительным образом, в сочиненных группах с тремя и более конъюнктами наблюдаем использование того же механизма просодической адаптации как средства маркирования коммуникативно-просодической связности.

Если в сочиненной группе с тремя и более конъюнктами задействуется механизм просодической адаптации, то дефолтной структурой оказывается такая, при которой все непервые конъюнкты просодически зависят от последнего – условно, если на последнем конъюнкте падение, то на всех предыдущих – подъем, и наоборот. Т.е. работают «плоские» схемы, обеспечивающие интеграцию всей цепочки: /X /Y ... \Z или \X \Y ... /Z

Так, в примере (12) имеется цепочка из четырех конъюнктов, где на последнем *мысли* – падающий тон, маркирующий завершенность, а предшествующие конъюнкты просодически адаптируются к последнему, реализуясь как просодически незавершенные – первые два (*лицо* и *одежда*) с выраженным восходящим тоном, а третий (*душа*) – со слабо восходящим движением тона и слабым акцентом. Помимо адаптации, на интеграцию цепочки, или иными словами, на коммуникативно-просодическую связность, «работает» еще и единый деклинационный рисунок – постепенное понижение верхней границы тонального интервала³:

³ Один из рецензентов проницательно заметил, что наряду с интонационным оформлением, которое интегрирует и унифицирует элементы цепочки, адаптируя три первых конъюнкта к последнему, в данном исполнении применены также средства, которые действуют в обратную сторону, разделяя цепочку на две пары. Это, во-первых, семантическое членение (лицо и одежда – внешность, душа и мысли – внутренний мир), а во-вторых – значительная пауза между парами конъюнктов. Но, с третьей стороны, в построении текста есть прием, усиливающий интеграцию именной сочинительной цепочки – это ее параллелизм со следующей за ней глагольной сочинительной цепочкой, также состоящей из четырех элементов, но в противоположность первой – негативно заряженной. Я чрезвычайно благодарна рецензенту за столь тонкий и нетривиальный анализ, который показывает, что наблюдаемый дискурсивный результат всегда является производным комплексного действия сложных разнородных процессов. Это рисует увлекательные перспективы дальнейшего исследования.

(12)

[Астров (Лавров Кирилл Юрьевич, муж)] *В человеке должно быть всё прекрасно/и лицо/и одежда/и душа/и мысли.* [А.П. Чехов; Г.А. Товстоногов, Е.И. Макаров. Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни (БДТ) (1986)]

И /лицо и /—одежда (0.78) и /душа и \мысли.

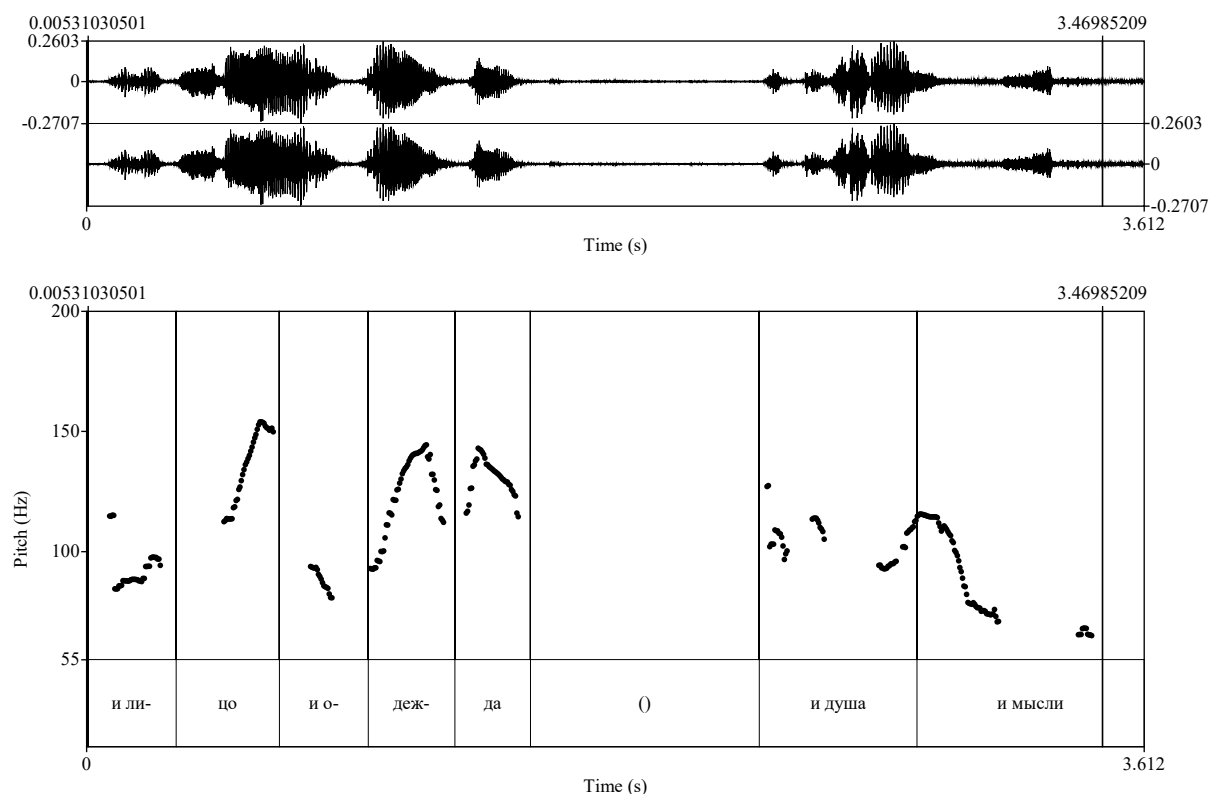

Рисунок 9: Интонограмма и осциллограмма фрагмента примера (12)

Сравним теперь примеры (13) и (14) – две авторских ремарки к одной и той же пьесе А.Н. Островского, взятых из записи одной и той же постановки Малого театра. В (13) используется знакомая нам по примеру (12) адаптивная стратегия – два первых конъюнкта, *Кучумов* и *Телятев* реализуются с подъемом тона, адаптированным к рематическому падению на последнем конъюнкте, *Глумов*. Получаем «плоскую» коммуникативно-просодическую структуру:

(13)

[От автора, муж] *Из кофейной выходят Кучумов, Телятев и Глумов.* [А.Н. Островский. Бешеные деньги (постановка Малого театра) (1948)]

Из кофейной выходят /Кучумов (0.32) /Телятев (0.35) и \Глумов.

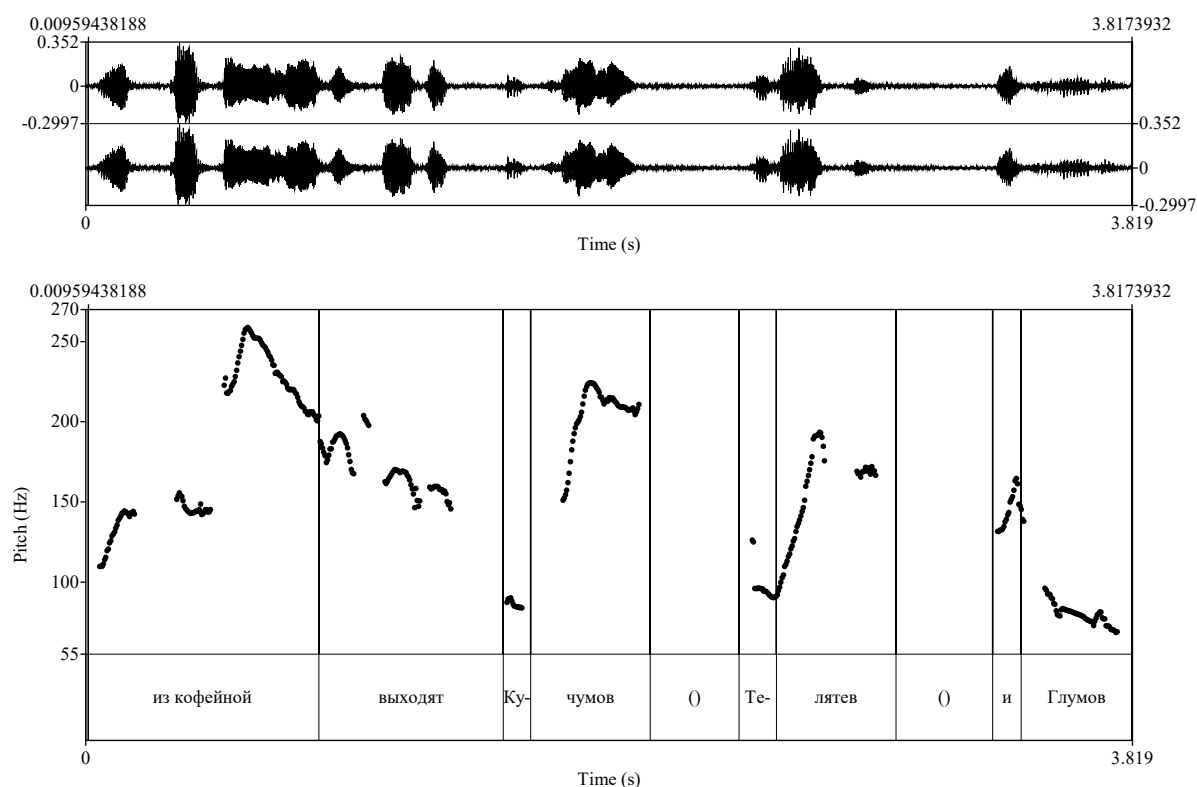

Рисунок 10: Интонаграмма и осциллограмма фрагмента примера (13)

Иначе устроена ремарка (14). Здесь мы имеем уже не плоскую, а ветвящуюся просодическую структуру, внутри которой имеется вложенная подгруппа. Имеется две параллельных темы – простая, *Лидия*, и сложная, *Телятев и Васильков*. Обе темы, как и положено, реализуются с подъемом – простая тема, *Лидия*, является акцентоносителем как таковая, а в сложной теме акцентоносителем является последний конъюнкт, *Васильков*, он реализуется с восходящим тоном, а предшествующий конъюнкт, *Телятев*, реализуется с нисходящим тоном – вследствие адаптации, обеспечивающей интеграцию вложенной подгруппы:

(14)

[От автора, муж] *Лидия, Телятев и Васильков* отходят в глубину сада. [А.Н. Островский. Бешеные деньги (постановка Малого театра) (1948)]

/Лидия [\Телятев и /Васильков] (0.64) отходят в глубину —сада.

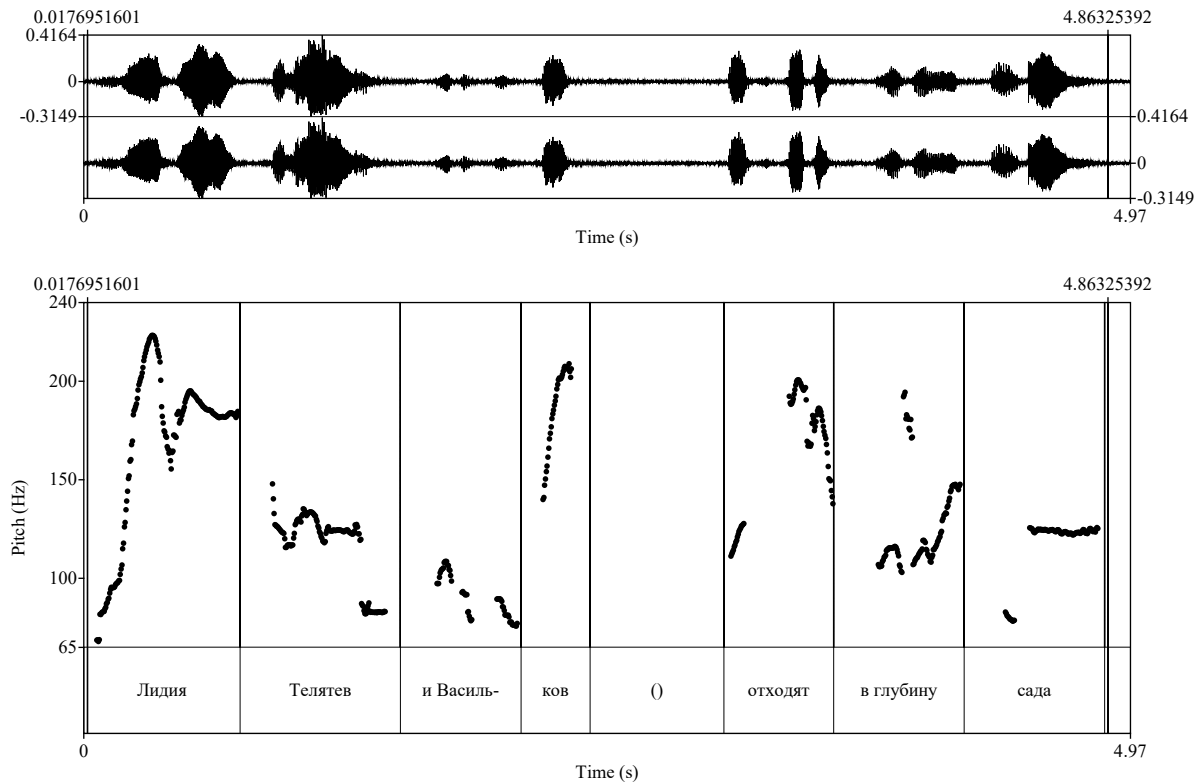

Рисунок 11: Интонаграмма и осциллограмма фрагмента примера (14)

Таким образом, так же, как и в случае опциональной просодической адаптации темы к реме, говорящий выбирает ту или иную стратегию оформления сочиненной группы, регулируя степень дискурсивной связности между компонентами: (а) каждый конъюнкт может быть предъявлен как автономный – и тогда выбирается параллельная стратегия; (б) вся сочиненная группа предъявляется как интегрированный узел дискурсивной структуры с единой просодической вершиной от которой остальные конъюнкты просодически зависят – и тогда выбирается адаптивная стратегия с плоской структурой; и (в) внутри цепочки какие-то конъюнкты предъявляются как более тесно связанные между собой, чем остальные – и тогда выбирается стратегия с ветвящейся структурой.

4 Заключительные замечания

Подведем итоги. В сочиненных группах используются две основных просодических стратегии – адаптивная и параллельная.

При адаптивной стратегии группа просодически интегрирована: просодическим представителем группы является последний конъюнкт, он получает то оформление, которое диктуется внешними условиями, местом группы в общей коммуникативно-просодической структуре. Остальные конъюнкты либо лишены акцента, либо движение тона на них детерминировано, а именно, направление тона зеркально противоположно движению тона на последнем конъюнкте. Адаптивная стратегия может использоваться в плоской версии, при которой в цепочке есть единственный просодический центр, и в ветвящейся версии, при которой внутри группы могут выделяться вложенные в нее более тесно связанные между собой члены.

При параллельной стратегии конъюнкты просодически автономны, каждый акцентирован, движение тона на них согласовано однонаправленное и каждый получает оформление, которое диктуется внешними условиями, местом группы в общей коммуникативно-просодической структуре. Симметрия конъюнктов при параллельной стратегии может подчеркиваться с помощью эмфатического сдвига акцента на союз.

При адаптивной стратегии мы, фактически, имеем дело с феноменом просодической зависимости одного элемента коммуникативно-просодической структуры от другого. Этот феномен

проявляет себя системно: просодическая зависимость обнаруживается не только между членами сочиненной группы, но и между другими типами коммуникативных составляющих. В частности, движение тона в теме зеркально противоположно движению тона в реме, движение тона на известном вопросе (аналоге темы в вопросительном высказывании) зеркально противоположно движению тона на неизвестном вопросе (аналоге ремы).

Просодическая зависимость оказывается еще одним важным средством обеспечения дискурсивной связности – в одном ряду с синтаксическими (например, коннекторами) и референциальными (например, анафорическими местоимениями).

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2024-0001, поддержанного Министерством образования и науки РФ

Литература

- [1] Брызгунова Е. А. 1982. Интонация // Русская грамматика. / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Том 1. М.: Наука, 103–118.
- [2] Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.). 2009. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК.
- [3] Ковтунова И.И. 1976. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М. Просвещение.
- [4] Кодзасов С.В. 1996. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М.: Институт русского языка РАН, 181–204.
- [5] Кодзасов С.В. 2001. Комбинаторные методы в фонологии. Дисс. ... докт. филол. наук. М.
- [6] Коротаев Н. А., Паньшева Д. А., Неверова Е. А., Подлеская В. И. 2024. Корпус «Что я видел» как инструмент анализа панического дискурса. «Слово и жест» // Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2024 г. Материалы конференции. Савчук С. О. (отв. ред.). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 32–37.
- [7] Лобанов Б.М., Округ Т.И. 2014. Универсальные мелодические портреты интонационных конструкций русской речи// Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20), 330–339.
- [8] Падучева Е.В. 1989. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики 159, 18–29.
- [9] Янко Т.Е. 2008. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК.
- [10] Янко Т.Е. 2024. Интонация. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/new/chapter/phon/intonation/>). На правах рукописи.

References

- [1] Boersma P., Weenink D. 2021. Praat: doing phonetics by computer. Version 6.1.38, 2021. Computer program. <http://www.praat.org/>
- [2] Bryzgunova E. A. 1982. Intonation // Russkaya grammatika. Vol. 1. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, pp. 103–118.
- [3] Degand, Liesbeth, Simon, Anne-Catherine. 2009. Mapping prosody and syntax as discourse strategies: How Basic Discourse Units vary across genres // Anne Wichmann, Dagmar Barth-Weingarten, Nicole Dehé (eds.). Where prosody meets pragmatics: research at the interface. Emerald: Bingley, pp. 79–105 <http://hdl.handle.net/2078.1/83647>
- [4] Duryagin, Pavel. 2021. “Kartina, korzina, kartonka...”. Prosodic labeling of enumeration contexts in poetry reading in Russian // Ettore Gherbezze, Vesselina Laskova, Anna Maria Perissutti (eds.) Le lingue slave: sviluppi teorici e prospettive applicative (Parte I. Linguistica diacronica e fonetica). Atti del VIII incontro di linguistica slava (Udine, 10–12 Settembre 2020), pp. 63–78.
- [5] Gordon, Matthew K. 2024. Prosody in clause chaining constructions // Hannah S. Sarvasy and Alexandra Y. Aikhenvald (eds.) Clause Chaining in the Languages of the World. Oxford University Press, pp. 43–59.
- [6] Huttenlauch, Clara; de Beer, Carola; Hanne, Sandra and Isabell Wartenburger. 2021. Production of prosodic cues in coordinate name sequences addressing varying interlocutors // Laboratory Phonology: Journal of the Association for Laboratory Phonology 12(1): 1, pp. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.5334/labphon.221>
- [7] Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). 2009. Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

- [8] Kodzasov S.V. 1996. Zakony frazovoi aktsentuatsii // Prosodicheskii stroi russkoi rechi. M.: Institut russkogo yazyka RAN, pp. 181-204.
- [9] Kodzasov S.V. 2001. Kombinatornye metody v fonologii. Diss. ... dokt. filol. nauk. M.
- [10] Korotaev N. A., Panyшева D. A., Neverova E. A., Podlesskaya V. I. 2024. The Corpus "What I Saw" as an instrument for analyzing the discourse of speakers with panic disorder // «Slovo i zhest». A scientific conference in memoriam of Elena A. Grishina ("Grishinskie chteniya"). Moscow, 8 February 2024. Conference proceedings. Savchuk S. O. (ed.). Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, pp. 32–37.
- [11] Kovtunova I.I. 1976. Sovremennyyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya. M.: Prosveshchenie.
- [12] Lobanov B.M., Okrut T.I. 2014. Universal'nye melodicheskie portrety intonatsionnykh konstruktssii russkoi rechi// Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 4-8 iyunya 2014 g.). V. 13 (20), pp. 330–339.
- [13] Paducheva E.V. 1989. K intonatsionnoi transkripsii dlya predlozhenii proizvol'noi sintaksicheskoi slozhnosti // Voprosy kibernetiki, 159, pp. 18-29.
- [14] Selting, Margret. 2005. Syntax and prosody as methods for the construction and identification of turn-constructional units in conversation // Syntax and Lexis in Conversation: Studies on the Use of Linguistic Resources in Talk-in-Interaction (Auli Hakulinen, Margret Selting, eds.), Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, pp. 17–44
- [15] Selting, Margret. 2015. "Sentences and clauses – from the perspective of Interactional Linguistics". Handbuch Satz, Äußerung, Schema, edited by Christa Dürscheid and Jan Georg Schneider, Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015, pp. 180-204. <https://doi.org/10.1515/9783110296037-009>
- [16] Silber-Varod, Vered. 2011. The SpeeCHain Perspective: Prosody-Syntax Interface in Spontaneous Spoken Hebrew. Tel-Aviv University.
- [17] Wu, Dorothy. 2022. Syntax and Prosody of Coordination. PhD thesis, MIT
- [18] Yanko T. E. 2008. Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- [19] Yanko, Tatiana E. 2023. Intonation (Sentence): Russian // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online, Editor-in-Chief General Editor Marc L. Greenberg, Lenore A. Grenoble. Consulted online on 21 November 2023 http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_036340 First published online: 2023
- [20] Yanko T.E. 2024. Intonatsiya. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki <http://rusgram.ru/new/chapter/phon/intonation/> . Preprint.